

ЕГО ХОЗЯЙКА НА МОИХ УСЛОВИЯХ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

МАРИ ЛЮБРОН

МАРИ ЛЮБРОН

Его Хозяйка на Моих Условиях

«Автор»

2026

ЛЮБРОН М.

Его Хозяйка на Моих Условиях / М. ЛЮБРОН — «Автор», 2026

Чтобы отшить высокопоставленного чиновника, который не понимал слова «нет», я пошла на крайние меры. Предложила ему стать моим псом у ног с ошейником на шее. Это был глупый, отчаянный блеф. Я никогда в жизни никем не командовала и ничего не знала о теме подчинения. Я просто хотела, чтобы он испугался и исчез. Но он вернулся. С коротким согласием на экране. И теперь мне приходится на ходу учиться искусству власти, прятать растерянность и принимать по утрам мужчину, который готов исполнять мои самые смелые фантазии, о существовании которых я даже не догадывалась.

© ЛЮБРОН М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	22

МАРИ ЛЮБРОН

Его Хозяйка на Моих Условиях

Глава 1

Предупреждение об отказе от ответственности

Настоящее произведение является художественным вымыслом.

Все упомянутые в книге имена, персонажи, организации, административные округа, государственные структуры, инспекции и происходящие события являются плодом авторского воображения либо используются исключительно в художественном контексте. Любое сходство с реальными физическими лицами — живыми или умершими, — а также с действующими государственными служащими, сотрудниками мэрий, префектур, комитетов или министерств является случайным и непреднамеренным.

Автор не ставит своей целью дискредитацию государственных органов или институтов власти. Произведение исследует исключительно психологические аспекты человеческих взаимоотношений, природу власти, личные границы и сложную динамику между людьми.

Дождь в Вальере начался еще в три пополудни — мелкий, липкий, превращающий серый известняк старых кварталов в мокрый сланец.

К семи вечера в небольшом полуподвальном кафе на углу площади оставалось всего двое: студент с юридического факультета, гипнотизирующий конспекты, и пожилая дама с болонкой. Я вытерла белым полотенцем медный кран кофемашины, убрала за стойку пустые стеклянные соусники и глянула на настенные часы над дверью подсобки.

Через двадцать минут можно было закрывать кассу, мыть пол, снимать форменный фартук и идти наверх — в свою маленькую квартиру на четвертом этаже соседнего дома.

Колокольчик над входной дверью звякнул, впуская порцию сырого сквозняка.

Я не повернула головы от раковины: — Добрый вечер. Мы закрываемся через пятнадцать минут. Кофе только с собой.

— Двойной эспresso. Без сахара. И стакан воды без газа, пожалуйста.

Голос был низким и ровным.

Я повернулась, опустив руки на край стойки.

Перед прилавком стоял мужчина лет сорока пяти. Высокий, атлетического сложения, в строгом темно-графитовом пальто, темно-синем шелковом галстуке и белой сорочке. Гладко выбритый подбородок, короткая стрижка с проседью на висках, серые глаза.

Я взяла холдер, насыпала помол и утрамбовала темпером: — В керамику или в бумажный стаканчик? — Если позволите, я выпью здесь.

Он сел на высокий стул у стойки, расстегнул пальто, положил на дерево тонкий кожаный картхолдер и тяжелые ключи с брелоком.

Кофемашина зашипела. Я поставила перед ним чашку на блюдце и стакан воды: — Два евро сорок центов, пожалуйста.

Мужчина достал купюру в пятьдесят евро и положил ее на стойку: — Оставьте сдачу себе. За доставленное неудобство перед самым закрытием.

Я открыла кассу, отсчитала сорок семь евро шестьдесят центов, выложила столбики монет на блюдечко и пододвинула к нему: — Благодарю вас, но у нас не принято оставлять чаевые, превышающие стоимость счета. Заберите, пожалуйста.

Мужчина опустил чашку обратно на блюдце: — Вы очень строги к правилам. Редко встретишь такую непреклонность в столь поздний час.

Я взяла сухое полотенце и вернулась к поддону: — Это не строгость. Это порядок.

— Могу я узнать ваше имя? — спросил он, сделав глоток.

— Касса закрывается через семь минут, — я посмотрела на него. — Мое имя не входит в меню.

Мужчина молча сделал еще один глоток, выпил эспрессо и сгреб монеты со стойки в карман пальто.

Затем поднялся со стула: — Спасибо за кофе. Доброго вам вечера.

— Доброго вечера.

Колокольчик звякнул, дверь закрылась.

Я повернула ключ в замке, погасила верхний свет в зале и пошла в подсобку за шваброй.

Я вымыла пол, заперла стеклянную дверь кафе на два оборота и опустила наружную металлическую решетку.

На улице было сыро и пусто. Холодный воздух немного снял духоту после смены. До моего дома было всего пять минут пешком через темный сквер: старый каменный фасад, скрипучая парадная дверь и четыре крутых лестничных пролета вверх.

В своей квартире я сразу скинула ботильоны, прошла на кухню и нажала кнопку чайника.

После горячего душа усталость навалилась окончательно. Натянув старый домашний свитер и мягкие шерстяные носки, я налила чай в большую кружку и ушла в комнату. Села на диван, подтянув ноги под себя, и взяла пульт.

Экран вспыхнул. Я лениво перебирала каналы, пока на местном новостном вещателе не замерла картинка.

Камера показывала освещенные софитами гранитные ступени здания префектуры. В центре плотного кольца репортеров с микрофонами стоял вечерний посетитель кофейни. Тот же безупречный темно-синий галстук, сухое строгое лицо и уверенный, негромкий голос. В титрах внизу экрана бежала строка с длинным названием регионального комитета и сложной должностью, связанной с распределением инфраструктурных бюджетов. Он отвечал на вопросы журналистов о финансировании нового городского проекта — размеренно, четко, не меняя холодного выражения глаз.

Я не стала вслушиваться в экономические термины и цифры. Сделала глоток горячего чая, пожала плечами и нажала кнопку на пульте, переключив выпуск новостей на старый детективный сериал.

Он появился снова только через четыре дня, в четверг.

На часах было около половины седьмого. Дождя не было, но с реки тянуло промозглым туманом. В зале сидела пара за столиком у окна и мужчина с газетой у радиатора.

Колокольчик звякнул. Я подняла глаза от витрины с десертами и узнала его сразу: графитовое пальто, темно-синий галстук, та же ровная осанка.

— Добрый вечер.

— Добрый, — отозвалась я, вернув на полку поднос с выпечкой. — Двойной эспрессо?

Он кивнул.

— Воду без газа?

— Да, пожалуйста.

Он сел на тот же высокий стул на углу стойки, расстегнул верхние пуговицы пальто и положил рядом картхолдер.

Я повернулась к кофемашине, насыпала помол и утрамбовала темпером. Через минуту поставила перед ним чашку и стакан воды: — Два евро сорок центов.

Мужчина выложил на стойку точную сумму: две монеты по евро и две по двадцать центов.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

Я сбросила монеты в кассу, закрыла ящик и взяла салфетку из микрофибры, чтобы протереть стекло витрины.

Он молча пил кофе, глядя прямо перед собой.

Когда чашка опустела, он поставил ее на блюдце и поднялся со стула: — Хорошего вечера.

— И вам.

Колокольчик звякнул, дверь за ним закрылась.

Я убрала чашку со стаканом в раковину и вернулась к стойке.

Тут дверь распахнулась, и вошла Нина.

Высокая, статная, всегда с безупречной осанкой и высоко поднятой головой. Ей было пятьдесят четыре — на четырнадцать лет старше меня. Когда она появлялась где-либо, ее присутствие заполняло собой все пространство: идеальная укладка, выверенный до мелочей макияж, строгий маникюр и этот ее фирменный взгляд слегка свысока. Со стороны она казалась неприступной королевой, но я знала ее настоящую: за маской уверенности скрывались мягкое сердце и бесконечные сомнения в себе.

Она подошла к стойке и легко поцеловала меня в щеку, окутывая шлейфом тяжелых цветочных духов: — Привет, дорогая. Как дела?

Не дожидаясь ответа, она окинула зал быстрым взглядом и покачала головой: — Ты с этим кафе совсем никуда не выходишь. Так нельзя. У меня есть два билета в оперу, в Гранд-Театр на площади. Дают «Медею» Керубини. Пойдем сегодня вечером.

Я нахмурилась: — Сегодня? Нина, у меня смена до восьми, я устала и...

— Возражений не принимаю, — отрезала она тоном, не терпящим споров, и положила на стойку узкую ладонь с крупным кольцом. — Закроешься на полчаса раньше, поднимешься к себе, наденешь нормальное платье — и идем. Это не обсуждается.

Мы пили кофе за крайним столиком у окна. Нина курила тонкую сигарету, стряхивая пепел в фарфоровую розетку, и не спеша пересказывала последние сплетни из верхних кварталов Вальера — кто с кем разорвал контракт, кто купил особняк на холмах и чья дочь провалила экзамены в колледж. Ее золотые браслеты сухо позвякивали при каждом движении узких запястий.

Допив свой ристретто, она глянула на циферблат часов: — В восемь тридцать я буду под твоими окнами. Никаких опозданий, в девять двери ложи закроют.

Она ушла, оставив на скатерти тонкий след духов и смятую салфетку со следом темной помады.

Я повернула рычаг кофемашины, сбросила давление пара и пересчитала кассу. Щелкнул выключатель — теплый свет в зале погас, оставив витрину в полумраке.

Дома я первым делом открыла горячую воду. Зеркало в ванной мгновенно затянуло белым паром. После десяти часов на ногах горячие струи смывали запах молочной пены, мокрого асфальта и чужих разговоров.

В спальне я распахнула створки платяного шкафа. Перебрала плечики и вытянула глухое черное платье из плотного матового крепа — узкое, строго по фигуре, длиной чуть ниже колена, с длинным прямым рукавом и открытой линией ключиц. Никаких складок, оборок или кружева — только чистый, четкий силуэт.

Достала с нижней полки коробку с классическими лодочками на тонком высоком каблучке.

У туалетного столика много времени не потребовалось: я собрала темные волосы в гладкий низкий узел, подчеркнула тушью ресницы, провела по губам матовой бежевой помадой

и надела тонкие серебряные серьги. Сверху накинула прямое темное пальто, взяла лакированную сумочку и выключила свет в прихожей.

Каблуки четко и звонко постукивали шаг по каменным ступеням подъезда.

Когда я толкнула тяжелую входную дверь и вышла на темную улицу, у самого тротуара уже мягко урчал двигатель темного седана Нины. Фары разрезали влажный туман, а сквозь опущенное стекло со стороны водителя поднималась тонкая струйка табачного дыма.

Площадь перед Гранд-Театром была залита желтым светом высоких фонарей. К широким гранитным ступеням одна за другой подкатывали черные служебные машины и дорогие седаны. Швейцары раскрывали над выходящими гостями огромные черные зонты, защищая от моросящего дождя шелк вечерних платьев и плечи фраков.

Нина отдала ключи парковщику, перекинула через руку тонкую норковую накидку и взяла меня под локоть: — Держи спину. Здесь половина префектуры и весь апелляционный суд.

Внутри пахло влажным бархатом, дорогим парфюмом, воском и шампанским. Огромная центральная люстра отражалась в полированных плитах белого мрамора. Публика медленно двигалась к широкой парадной лестнице. Нина коротко кивала знакомым в толпе, на ходу бросая выверенные реплики, но не останавливаясь ни у одной из групп.

Мы поднимались на бельэтаж.

На верхней площадке, у входа в губернаторскую ложу, стояла группа из пяти человек. В центре стоял он.

Вместо пальто на нем был темно-синий смокинг и белая рубашка с плотным воротником. В руке — бокал с минеральной водой. Рядом находились двое с папками и седовласый мужчина с орденской планкой на лацкане.

Когда цокот моих каблуков раздался на верхней мраморной ступени, он повернул голову в сторону лестницы.

Его взгляд остановился на мне. Скользнул по линии черного матового платья, открытым ключицам, гладко собранным волосам и поднялся к лицу.

Седовласый мужчина продолжал что-то говорить. Один из помощников раскрыл папку и наклонился к нему, но мужчина не повернул головы.

Я шла рядом с Ниной ровным, размеренным шагом.

Когда между нами осталось несколько метров, он слегка выпрямился.

Я посмотрела прямо на него. Не задерживая взгляда и не сбавляя шага, прошла мимо, направляясь к нашему сектору.

Над головами мягко прозвучал третий звонок.

— Кто это был? — вполголоса спросила Нина, передавая контролеру наши билеты у дверей партера. — Тот, у центральной ложи. Он смотрел на тебя так, будто ты забыла вернуть ему ключи от города.

— Не знаю, — отозвалась я, входя в полумрак зала. — Просто один из вечерних клиентов.

Тяжелый бархатный занавес медленно пополз вверх, открывая аскетичные, выстроенные из темных балок декорации античного Коринфа. Оркестровая яма отозвалась резким, тревожным вступлением увертюры Керубини.

Я оперлась локтями на плюшевый бортик ложи. Музыка заполняла зал — жесткая, выверенная, лишённая сентиментальности. Когда на сцену вышла исполнительница партии Медеи и зазвучала первая ария, я перестала замечать золото лепнины и шепот на соседних ярусах. В этой партитуре не было украшательств: только чистая, концентрированная ярость и расчет.

В антракте Нина потащила меня в фойе за бокалами сухого шампанского. Вокруг снова шумела толпа, шуршали платья, звенел хрусталь. Нина на ходу перебирала лица:

— Вон та блондинка в изумрудном — новая пассия вице-президента окружного совета. А рядом бывшая жена нотариуса из Верхнего Вальера. Кажется, они даже не здороваются.

Я сделала глоток холодного брют, скользнув взглядом по мраморным колоннам. Мужчины из правительственной ложи в фойе не было видно.

Второй акт прошел быстро. Финальные аккорды потонули в плотных аплодисментах. Занавес опустился, вспыхнул полный свет.

Мы спускались по широкой парадной лестнице в потоке зрителей, забирая пальто из гардероба.

— Тебе понравилось? — спросила Нина, набрасывая на плечи мех.

— Да, — ответила я, застегивая пуговицы своего прямого пальто. — Прекрасная постановка.

— Тогда почему ты никогда никуда не выходишь?

— Потому что мне не нужен повод, чтобы сидеть дома.

Нина хмыкнула и полезла в сумочку за ключами:

— Подожди у колонны, я заберу машину у парковщика, здесь очередь у выезда.

Она спустилась к проезжей части. Я осталась стоять на нижней ступени портика под массивным каменным карнизом, защищавшим от дождя. Воздух после духоты зала был ледяным и чистым.

Сверху раздались размеренные шаги.

Мимо прошел начальник охраны, следом — двое помощников с зонтами. В центре группы шел он. Темно-синий смокинг был скрыт под расстегнутым графитовым пальто. Он слушал говорившего рядом спутника, но на повороте к ожидавшему автомобилю сбавил шаг и остановился у края тротуара.

Его взгляд снова нашел меня.

Я в этот момент поправляла воротник пальто, стряхивая попавшие на ткань капли, и смотрела вперед — туда, где сквозь ряд машин к тротуару выруливал седан Нины.

Один из сопровождающих открыл перед ним заднюю дверь черного представительского седана:

— Прошу, месье.

Мужчина помедлил секунду, не отрывая взгляда от ступеней портика, затем коротко кивнул спутникам, сел в салон и закрыл за собой дверь.

Тонированное стекло скрыло его силуэт. Машина тронулась и растворилась в дождливой ночи Вальера.

Прошла неделя.

Город жил своей серой, монотонной осенней жизнью. Я выходила на смены, принимала заказы, вытирала стойку, дважды встречалась с Ниной на ланче, покупала свежий багет и зелень в лавке за углом, а по вечерам читала у себя на кухне под шум дождя за окном.

В четверг колокольчик над входной дверью звякнул в четверть восьмого.

Я привычно не подняла головы от поддона: — Добрый вечер. Двойной эспresso и вода без газа?

— Сегодня нет.

Я подняла глаза.

Он стоял у стойки — без пальто, в темно-сером шерстяном пиджаке и расстегнутой на верхнюю пуговицу сорочке. Пальто висело на спинке дальнего углового столика у окна, куда он уже положил свой неизменный картхолдер.

— Тогда? — спросила я.

— Сегодня я хочу поужинать, — спокойно ответил он. — Что у вас есть?

Я бросила короткий взгляд на настенные часы над подсобкой: — Через сорок минут мы закрываемся. Кухня уже почти убрана.

— Значит, у меня есть сорок минут, — он даже не сдвинулся с места. — Что осталось?

— Киш с луком-пореем и козым сыром. И тыквенный суп-пюре. Больше ничего горячего предложить не могу.

— Подойдет и то, и другое. И черный чай без сахара, пожалуйста.

Он развернулся и пошел к своему столу.

Я достала порцию супа, поставила ее разогреваться, отрезала ровный треугольник открытого пирога и отправила в печь. Заварила чай в небольшом керамическом чайнике.

Через пять минут я вынесла поднос к его столу. Расставила тарелки, приборы на льняной салфетке, чашку и чайник.

— Приятного аппетита.

— Спасибо.

Я развернулась, чтобы уйти за стойку, но его голос остановил меня на полушаге: — Вы всегда работаете по вечерам?

Вопрос прозвучал — ровно и просто.

Я повернулась к нему: — Почти всегда. Со среды по воскресенье.

— Вам нравится?

Я пожала плечами: — Это работа.

— И вас это устраивает?

Я впервые посмотрела на него чуть внимательнее. Он сидел, держа в руке ложку, и смотрел прямо на меня.

— Вполне, — ответила я спокойно. — Здесь тихо, понятно и никто не требует от меня больше, чем указано в чеке.

Он не ответил. Лишь едва заметно кивнул и опустил ложку в суп.

Я вернулась за стойку, взяла влажную салфетку и занялась кофемашиной. В тишине зала мерно позвякивал металл приборов о керамику. За окном шел дождь, разбиваясь о мостовую площади.

Через двадцать минут приборы смолкли. Раздался негромкий щелчок отодвигаемого стула.

Он подошел к стойке, неся в руке пустые тарелки и чайник. Поставил посуду на край нержавеющей поверхности — ровно, стопкой, как это делают люди, привыкшие убирать за собой.

Я выбила чек и положила его на блюдце: — Двенадцать евро восемьдесят центов.

Он вытащил купюру в двадцать евро, положил ее рядом и, не убирая ладони со стойки, посмотрел мне в глаза: — Как вас зовут?

Я замерла с открытым кассовым ящиком в руках. Взглянула на купюру, затем на его лицо: — А вам зачем?

Он не отвел взгляда: — Интересно.

Я отсчитала семь евро двадцать центов монетами, высыпала их на блюдце поверх чека и ровно произнесла: — Для счета это не требуется.

Мужчина задержал на мне взгляд на пару секунд. Ни раздражения, ни усмешки.

— Справедливо, — ответил он.

Он забрал монеты, повернулся, снял со спинки стула пальто и вышел на улицу.

Колокольчик над дверью сухо звякнул и затих.

Утренний свет в Вальере был пепельным. Во вторник, в свой единственный выходной, я не пошла за свежими круассанами. В руках у меня была плотная картонная папка с синей печатью префектуры: уведомление о пересмотре прав аренды нежилых помещений на площади в связи с проверкой городского фонда.

Массивное серое здание Главного управления территориального контроля нависало над набережной, оштетинившись гранитными колоннами. Внутри пахло казенным паркетом, архивной пылью и кофе из автомата.

Я провела два часа в очереди на третьем этаже, переходя от одного стеклянного окошка к другому.

— Мадам, в вашем реестровом плане не хватает подписи окружного аудитора, — сухо отчеканила женщина в очках с цепочкой, возвращая мне бумаги. — Сектор исторической застройки курирует лично комиссариат. Вам на четвертый этаж, кабинет сорок два. Прием по предварительной записи.

— У меня предписание до пятницы, — ровно ответила я. — Времени на запись нет.

— Тогда ждите в приемной. Если у месье будет окно между совещаниями.

На четвертом этаже ковровин гасил шаги. Высокие дубовые двери, тишина и массивные бронзовые ручки. За стойкой приемной сидел молодой секретарь в безупречно выглаженной сорочке.

— По какому вопросу? — уточнил он, не поднимая глаз от монитора.

— Проверка аренды, площадь Сен-Жюльен, кафе.

Секретарь взял папку, бегло пролистал и нажал кнопку селектора: — Месье, по регламенту исторической зоны прибыл представитель объекта Сен-Жюльен.

Из динамика раздался знакомый низкий голос: — Пусть войдет.

Я взяла пальто, открыла тяжелую створку и переступила порог.

Кабинет был огромным: высокие окна с видом на серую реку, книжные шкафы до потолка и массивный стол из темного полированного ореха.

Он сидел во главе стола в расстегнутом жилете поверх белой рубашки с закатанными до предплечий рукавами. Перед ним лежали кипы документов и раскрытый ноутбук.

Он поднял голову от бумаг, и его взгляд замер.

Несколько секунд в кабинете стояла абсолютная тишина. Наручные часы на его запястье сухо отсчитывали секунды. Я стояла перед ним в простом шерстяном джемпере и прямых брюках, держа в руках серую канцелярскую папку.

— Добрый день, — спокойно произнесла я, не отводя глаз. — Мне сказали, что здесь заверяют предписания.

Он медленно отложил перьевую ручку на край кожаного бювара и выпрямился в кресле.

— Добрый день. Проходите. Садитесь.

Я подошла к столу, опустила на жесткий кожаный стул напротив и положила папку перед ним: — Требуется виза на продление срока подачи реестрового плана.

Он не стал сразу открывать бумаги. Его серые глаза цепко скользнули по моему лицу, задержались на пальцах, лежащих на коленях, и вернулись к документам.

— Вы пришли лично, — констатировал он. Голос звучал без малейшей насмешки — ровно и деловито, но в тишине кабинета каждое слово казалось весомым.

— Владелец помещения болен. Заниматься этим некому.

Он открыл папку, бегло пробежал глазами верхний лист с синей печатью, перевернул страницу. Взял ручку, размашисто расписался в нижней графе и поставил штамп из тяжелого металлического футляра.

Затем захлопнул папку и пододвинул ее ко мне.

— Срок продлен на тридцать дней.

— Благодарю вас, — я забрала документы и поднялась со стула.

— Элен.

Его голос прозвучал негромко, когда я уже взялась за бронзовую ручку двери.

Я обернулась. Он стоял у стола, опершись ладонями о темное дерево. Взгляд был направлен на первую страницу копии договора, оставшейся у него на столе, где в графе ответственного лица стояла моя подпись.

— До вечера четверга, — произнес он спокойно.

— До свидания, месье, — ответила я и вышла в коридор.

Тяжелые стеклянные двери Главного управления территориального контроля захлопнулись за моей спиной.

Я достала телефон и набрала номер месье Жака. В трубке долго раздавались гудки, затем послышался глухой старческий кашель.

— Алло, Элен? Вы получили отказ? Мне самому надо было ехать, с моим сердцем это невозможно, но эти бюрократы...

— Срок продлен на тридцать дней, месье Жак, — перебила я. — Печать стоит. У вас есть месяц, чтобы закончить аудит.

На том конце повисла тишина.

— Тридцать дней? Без предварительного вызова комиссии? Кто подписал предписание?

Я посмотрела на нижнюю строчку листа, где черными чернилами был выведен четкий росчерк.

— Один из чиновников на четвертом этаже, — ответила я. — Отдыхайте. В четверг кафе откроется по расписанию.

В среду в час дня мы сидели с Ниной в бистро на набережной. Официант поставил перед нами две тарелки с луковым супом и запотевшую бутылку минеральной воды.

Нина промокнула губы льняной салфеткой и кивнула на набережную, где через серую реку тянулись строительные леса: — Видишь правый берег? На прошлой неделе закрыли старый складской сектор. Говорят, Комитет развития выкупил землю под правительственный квартал. Мелких арендаторов просто выставили за дверь без права апелляции.

Она сделала глоток воды, ее тонкие золотые кольца тихо стукнули о край стекла: — Там всем заправляет человек, который не дает вторых шансов. Если его имя стоит под проектом — квартал снесут. С такими людьми в Вальере лучше не пересекаться даже взглядом на улице.

Я опустила ложку в суп, наблюдая за серыми волнами за стеклом, и ничего не ответила.

В четверг в шесть утра над Вальером стоял плотный речной туман.

На старом крытом рынке пахло сырой землей, свежей рыбой на ледяных прилавках и пряным чабрецом. Я обошла ряды, выбрала две головки молодого козьего сыра у фермера из Верхней долины, плотный лук-порей и три килограмма спелой тыквы.

У лавки обжарщика за углом забрала три холщовых мешка с зерном сильной обжарки. Владелец лавки, вытирая руки о фартук, загрузил коробки в багажник моего старого хэтчбека.

К семи утра я уже открывала наружную решетку кофейни. Металл загремел, впуская утренний холод.

К полудню кафе наполнилось людьми. Студенты из юридического колледжа за дальними столами спорили над конспектами, две женщины у витрины заказывали тарты с малиной, кофемашинка не смолкала ни на минуту. Мелькали чашки, звенели монеты в кассовом ящике, белела молочная пена.

К семи вечера зал постепенно опустел. Ушли последние посетители с вечерними газетами.

Я взяла влажную салфетку из микрофибры и подошла к дальнему угловому столику у окна. Протерла деревянную столешницу, выровняла солонку и перечницу, затем задержала ладонь на спинке высокого стула.

За окном моросил мелкий дождь. Фары редких машин размывались на мокром стекле желтыми полосами.

Я убрала руку со стула, повернулась спиной к залу и пошла за стойку — промывать портафильтр кофемашины.

Колокольчик над дверью сухо звякнул, впуская в полутемный зал струю сырого осеннего воздуха.

Он снял тяжелое графитовое пальто, повесил его на латунный крючок у входа и неторопливо прошел через пустой зал к своему угловому столику. Сел, положил на темное полированное дерево тонкий кожаный картхолдер и поднял взгляд.

Я уже сняла с подогрева толстостенную керамическую чашку: — Двойной эспрессо и вода без газа?

— Да.

Щелкнул замок гриндера. Металлический темпер с глухим стуком утрамбовал темный порошок в портафильтре. Группа кофемашины загудела, сбрасывая пар, и в чашку ровной плотной струей полился кофе, покрываясь ореховой пенкой. Я наполнила граненый стакан водой из графина, поставила все на круглый жестяной поднос и вышла из-за стойки.

Каблуки негромко стучали по каменной плитке.

Я опустила поднос на край его стола, расставила чашку и стакан: — Пожалуйста.

— Спасибо, Элен.

Его голос прозвучал низко и спокойно. Имя легло между нами без нажима, как давно привычный факт.

Я не задержала взгляда, сделала шаг назад и уже разворачивалась к стойке, когда он произнес: — Вы свободны в воскресенье?

Я остановилась на пол оборота. Свет низкого абажура падал на угол стола, оставляя его лицо в мягкой полутени.

— Зачем?

Он не притронулся к чашке. Руки спокойно лежали на столешнице, на манжете сорочки тускло блеснула платиновая запонка.

— Я хотел пригласить вас поужинать.

За витринным стеклом равномерно шумел дождь. По мокрому асфальту площади ползли размытые желтые полосы от уличных фонарей.

— Спасибо, но нет, — ответила я ровно, глядя прямо на него.

Несколько секунд в зале стояла полная тишина — слышно было только шипение остывающего бойлера за моей спиной.

— Вы всегда так категоричны?

— Когда знаю, чего не хочу — да.

Он едва заметно качнул головой: — Я понял.

Я повернулась и ушла за стойку. Взяла сухое льняное полотенце и принялась насухо вытирать нержавеющую панель рабочей зоны, слушая, как за дальним столиком фарфоровая чашка с легким стуком коснулась блюда.

В воскресенье после полудня над старыми кварталами Вальера стоял плотный туман, пахнувший мокрым известняком и прелой листвой.

Под длинным навесом букинистического пассажа на улице Сен-Мерри было безлюдно. Деревянные лотки с потертыми корешками книг тянулись вдоль глухой стены старинного монастыря. Я неторопливо перебирала пожелтевшие тома с тисненными корешками, слушая редкий перестук капель по жестяной крыше.

Тень упала на раскладку с историческими хрониками.

Я повернула голову.

Рядом стоял он. Без строгого костюма и галстука — в темно-синем шерстяном свитере с высоким воротом и расстегнутой кожаной куртке. В руках он держал небольшую раскрытую книгу в тканевом переплете.

— Вы ищете что-то конкретное? — спросил он, не отрывая взгляда от страниц. Голос прозвучал негромко, смешиваясь с шумом дождя.

— Нет, — ответила я, возвращая на место старое издание Мопассана. — Просто смотрю.

Он аккуратно закрыл книгу, положил ее обратно на лоток и повернулся ко мне. Вблизи, при холодном дневном свете, резкие линии его лица казались четче, а в темных волосах у висков отчетливо проступала седина.

— Я не привык тратить время на долгие предисловия, Элен, — произнес он спокойно, глядя мне прямо в глаза. — И хочу позволить себе сказать: вы очень красивая женщина. И мне по-прежнему интересен разговор с вами за пределами вашей стойки.

Его тон был лишен дешевого заигрывания — это было прямое, взрослое признание человека, который знает цену своим словам.

Я застегнула верхнюю пуговицу пальто и чуть склонила голову:

— Комплимент приятен, месье Деверно. Но женская привлекательность — слишком шаткий повод для того, чтобы менять свои планы на вечер.

На его губах на долю секунды промелькнуло подобие сдержанной полуулыбки — не ироничной, а оценивающей.

— Даже если этот повод продиктован искренним интересом, а не банальной галантностью?

— Особенно в этом случае, — ответила я ровно.

Я убрала руки в карманы пальто, сделала шаг назад к выходу из-под навеса и посмотрела на пустынную мостовую.

— Хорошего воскресенья, месье.

— До четверга, Элен, — спокойно отозвался он.

Я вышла из пассажа под моросящий дождь, слыша, как за спиной старый продавец шелестит страницами газеты.

В два часа дня колокольчик над дверью звякнул резко, с металлическим дребезгом.

В зал вошли трое. Впереди — плотный мужчина в сером пальто нараспашку с кожаной папкой под мышкой, за ним — двое сотрудников муниципальной полиции в форменных куртках. Немногие посетители за столиками замолчали, повернув головы.

— Администрация округа, отдел градостроительного контроля, — громко объявил мужчина в сером, даже не взглянув на людей за столиками. Он подошел к стойке и шлепнул на лакированное дерево бланк с красной полосой. — Приказ о немедленной приостановке коммерческой деятельности. Здание признано аварийным в рамках программы реконструкции. Попрошу посетителей освободить помещение.

Я не сдвинулась с места. Руки спокойно лежали на краю столешницы.

— У этого заведения есть действующая отсрочка предписания на тридцать дней, — произнесла я ровно. — Срок истекает только через три недели.

— Ваша отсрочка аннулирована чрезвычайным распоряжением префектуры от сегодняшнего числа, — с нажимом отрезал чиновник, доставая из кармана рулон желтой ленты с гербом города. — Выходите из-за стойки, мадам. Мы опечатаваем вход.

— Покажите оригинал распоряжения об аннуляции.

— Я не обязан отчитываться перед обслуживающим персоналом, — мужчина повысил голос и кивнул полицейским: — Очистите зал.

Один из полицейских шагнул к столикам, неловко переминаясь с ноги на ногу: — Господа, покиньте заведение, пожалуйста.

Студенты у окна начали торопливо собирать сумки. Женщина с кофе поднялась, оставив деньги на краю стола.

Я обошла стойку и встала прямо в проходе перед входной дверью, перегородив путь инспектору.

— Вы не закроете кафе без судебного пристава и подписанного акта изъятия, — сказала я тихо, глядя мужчине прямо в переносицу. — Вы нарушаете процедуру.

Инспектор побагровел: — Вы препятствуете исполнению служебных обязанностей. Офицер, уберите ее от двери.

Полицейский сделал шаг ко мне, протягивая руку к моему плечу: — Мадам, не усложняйте...

Дверь за моей спиной мягко распахнулась.

Сквозняк взметнул края желтой ленты. В кафе вошел Арман Деверно.

Он был в строгом темном пальто и черном костюме. За его спиной на мостовой площади тихо работал на холостых оборотах представительский седан с правительственными номерами. Водитель остался у капота под зонтом.

В зале повисла мертвая тишина.

Полицейский замер с полуподнятой рукой, затем медленно опустил ее по швам. Инспектор в сером пальто побелел, судорожно втянув голову в плечи.

Деверно даже не взглянул на меня. Он прошел мимо, остановился в полушаге от чиновника и посмотрел на него сверху вниз — холодно, тяжело, без единой эмоции.

— По какому распоряжению вы здесь, Моро? — голос Деверно прозвучал негромко, но заполнил все пространство кофейни.

— Месье главный уполномоченный... — инспектор сглотнул, безуспешно пытаясь спрятать рулон ленты за спину. — Мы действовали по представлению дирекции строительного консорциума... аварийный статус фасада, пункт сорок семь...

— Пункт сорок семь требует моей личной подписи, — перебил Деверно. Тон был ровным, почти ледяным. — Вы нашли ее на этом бланке?

Моро открыл рот, но не издал ни звука.

Деверно протянул руку, взял со стойки красный бланк, не читая свернул его пополам и достал из внутреннего кармана телефон. Набрал короткий номер.

— Префектура. Соедините с начальником окружной полиции, — он говорил, не отрывая взгляда от побелевшего чиновника. — Лебрен? У меня в Нижнем секторе двое ваших людей помогают инспекции Моро нарушать тридцать третью статью территориального регламента. Заберите их. Сейчас же. И пусть финансовая инспекция заблокирует все счета фонда застройки на правом берегу до завтрашнего утра.

Он сбросил вызов и убрал телефон во внутренний карман.

— У вас две минуты, чтобы покинуть это помещение, — сказал Деверно инспектору. — И надейтесь, что к утру вы найдете другое объяснение вашему визиту сюда.

Полицейские переглянулись, синхронно приложили руки к фуражкам и выскользнули за дверь. Инспектор Моро, спотыкаясь о ножки стульев, судорожно схватил свою папку и почти выбежал на улицу.

Колокольчик над дверью звякнул и затих.

В кафе остались только двое случайных посетителей, вжавшихся в дальние стулья, и мы.

Деверно медленно расстегнул верхнюю пуговицу пальто, подошел к стойке и посмотрел на меня:

— Двойной эспresso, Элен. И воду без газа. Если вы еще открыты.

Я молча обошла стойку, взяла холдер и утрамбовала помол. Гул бойлера и шипение пара заполнили тишину помещения. Через минуту я поставила перед ним на полированное дерево чашку с плотной ореховой пенкой и стакан с водой.

Деверно стоял, не садясь. Он сделал первый глоток и негромко произнес:

— Мой секретариат перехватил утренний реестр сорок минут назад. Я мог остановить Моро прямо из кабинета, но мне хотелось лично увидеть, как вы будете защищать это место.

Я выдержала его взгляд. Ни тени благодарности, ни малейшей неловкости.

— Я защищала не здание, месье Деверно. Я защищала свой рабочий день. И порядок, который здесь пытались сломать без спроса.

— Достойная причина, — он сделал еще один глоток кофе и опустил чашку на блюдце.

— Но в этом квартале скоро станет шумно. Консорциум не отступит просто так, даже после сегодняшнего визита Моро. Они найдут другой рычаг.

— Месье Жак предоставит все акты проверки, когда вернется. А если появятся новые инспекторы — я потребую официальный ордер префектуры через окружной суд.

Деверно внимательно посмотрел на меня. В его взгляде не было снисхождения — скорее жесткий, оценивающий интерес мужчины, который привык, что перед его возможностями раскрывают двери и просят о покровительстве.

— Вы тратите слишком много сил на то, что можно решить одним звонком.

— Я привыкла рассчитывать только на свои руки и законы, которые действуют для всех одинаково, — ответила я сухо. — Чужое заступничество обходится слишком дорого. Всегда.

Он медленно достал из кармана портмоне, положил на стойку точную сумму за эспрессо без чаевых и застегнул пальто на все пуговицы.

— Вы редкая женщина, Элен.

— Я просто женщина, месье Деверно.

На его лице на секунду проступила тень уважительной усмешки — холодной, сдержанной, почти незаметной.

— До четверга.

— До свидания.

Он развернулся и вышел. За дверью негромко хлопнула дверца представительского седана. Машина тронулась, увозя человека, который держал в руках весь Вальер, но так и не смог навязать свои правила женщине за стойкой старого кафе.

Я взяла чашку, вымыла ее под горячей водой, насухо вытерла льняным полотенцем и поставила обратно на нагреватель.

Рабочий день продолжался.

В восемь вечера я повернула ключ в замке входной двери. Тяжелая металлическая решетка с лязгом опустилась, отрезая темный зал кофейни от улицы.

Я застегнула пальто, накинула шарф и развернулась к набережной.

Черный седан стоял на противоположной стороне площади под неработающим фонарем. Двигатель тихо урчал, выбрасывая в сырой воздух белесый пар. Едва я сделала несколько шагов по мокрой брусчатке, задняя дверь автомобиля открылась.

Деверно вышел на тротуар. Он был без зонта, в расстегнутом пальто, держа руки в карманах. Водителю он даже не сделал знака оставаться на месте — просто перешел пустынную дорогу и поравнялся со мной, подстраиваясь под мой шаг.

Мы прошли мимо закрытых лавок старого квартала молча. Шаги гулко отдавались от каменных стен.

У поворота на узкую лестницу, ведущую к моему дому, я резко остановилась. Повернулась к нему лицом. Дождь мелкой сеткой оседал на его темных волосах и плечах пальто.

— Что вам нужно, месье Деверно? — спросила я прямо, без раздражения, но с холодной твердостью.

Он остановился в шаге от меня. В полумраке переулка его взгляд был цепким, тяжелым и абсолютно трезвым.

— Я не привык ходить кругами, Элен. Вы редкая женщина. Вы поразили меня — своей собранностью, достоинством, тем, как вы держитесь. Мне трудно выбросить вас из головы с той самой минуты, как вы вошли в мой кабинет. И я не намерен делать вид, будто этого нет.

Я выдержала его взгляд, не отводя глаз ни на миллиметр.

— Возможно, я не только на вас так влияю, — произнесла я ровно. — Но это исключительно ваша проблема, месье Деверно. И жить с ней — тоже вам. Не мне.

Его лицо на секунду застыло. В тишине переулка было слышно только, как с карниза старого дома на мостовую срываются тяжелые капли.

Затем в глубине его глаз мелькнуло нечто вроде жесткого, азартного признания силы противника.

— С этим трудно спорить, — произнес он глухо. —. Доброй ночи, Элен.

Я развернулась и пошла вверх по каменным ступеням, не оглядываясь. На темной улице внизу за спиной хлопнула дверца автомобиля.

Я поднялась на третий этаж, повернула ключ в замке и захлопнула за собой тяжелую дубовую дверь. Повернула засов. Два полных оборота. Металл щелкнул, отрезая лестницу, улицу, сырой вечерний город.

Только стянув в прихожей мокрые сапоги, я оперлась спиной о дверное полотно и выдохнула.

Он что, следил за мной? Сидел в своей служебной машине и ждал, пока погаснет свет в витрине?

Внутри закипела холодная, злая волна. Я не дала ему ни единого повода. Ни полувзгляда, ни намека, ни лишней улыбки за стойкой. Я держала между нами дистанцию в милю — профессиональную, выверенную, глухую. Какого черта влиятельный сорокапятилетний чиновник вообразил, что может караулить меня у работы и ходить следом по переулкам, словно имеет на это хоть малейшее право?

Я прошла на кухню, не зажигая верхний свет — только лампу над плитой. Налила в медный чайник воды, чиркнула спичкой и поставила его на синий круг газа.

В квартире стояла абсолютная, плотная тишина. Пахло лавандовым мылом, старым паркетом и сухим чабрецом в глиняной банке.

Моя тишина. Мой дом.

Никаких чужих звонков с требованием отчитаться, где я задержалась на десять минут. Никаких сообщений посреди рабочего дня с претензиями. Никаких совместных налоговых деклараций, где каждая строчка превращается в повод для унижительного допроса. Никакого чужого присутствия, разбросанных грязных носков, неряшливого белья и вечного недовольного лица человека, считавшего себя центром вселенной.

Эту тишину и право дышать я буквально выгрызла зубами.

Три года. Три бесконечных, изматывающих года судебных заседаний, дележа имущества, угроз и бесконечных манипуляций. Бывший муж искренне мнил себя умнее и значительнее всех вокруг, будучи обычным эмоциональным вампиром и абыюзером. Сколько лет ушло на то, чтобы разорвать эту зависимость, вычистить из головы ядовитое чувство вины и заново собрать себя по кускам?

Слишком много. Чтобы сейчас я добровольно пустила в свою жизнь очередного мужчину, уверенного в своей неотразимости и праве брать то, что ему приглянулось.

Чайник глухо засвистел.

Я сняла его с огня, ошпарила кипятком белый фаянсовый заварник и бросила внутрь щепотку крупнолистового черного чая с мятой.

Как от него избавиться?

Он не уйдет, если начать скандалить — такие, как Деверно, только азартнее вгрызаются в сопротивление. Ему бесполезно угрожать жалобами — он сам здесь закон. Единственный

способ сломать такой интерес — абсолютный, непробиваемый лед. Никаких эмоций, никакого страха, никаких оправданий.

В четверг он снова войдет в кафе.

Я просто сварю ему кофе. Молча возьму деньги. И не сделаю ни шага навстречу. Пусть сидит за своим угловым столиком хоть до закрытия — для меня он останется просто пустым местом с чашкой эспresso.

Я взяла горячую кружку обеими ладонями, подошла к окну и посмотрела на пустую, залитую дождем улицу. Внизу никого не было.

Я сняла с блокировки экран телефона и набрала Нину.

Она ответила почти сразу, на фоне играл негромкий джаз и звякали бокалы.

— Элен? Ты чего так поздно?

Я выдохнула, обхватив чашку горячего чая пальцами, и без прикрас выложила ей всё, что произошло за день: и разгромную сцену с инспекцией Моро, и вечернюю засаду у кафе, и его признание у лестницы под дождем.

На том конце трубки повисла секундная пауза, а затем Нина присвистнула:

— Слушай... Ты в своем уме? У тебя на горизонте нарисовался мужик с колоссальным влиянием! Арман Деверно ходит за тобой по пятам! Бери, пользуйся — связи, деньги, прикрытие любого вопроса в этом чертовом городе. Чего ты кочевряжишься?

— Нет, Нина, — отрезала я, прижимая трубку к уху плечом. — Хватит. Я уже однажды «воспользовалась» статусом и красивыми обещаниями. Еле развелась потом. Три года ада и выжженная земля внутри. Я больше в эти игры не играю.

Нина помолчала, уловив мой тон, и вздохнула уже совсем иначе — без светской легкомысленности:

— Ну... тут ты права, Элен. Если тебе это дерьмо снова не нужно — руби сразу. Так и скажи ему в лицо: месье Деверно, оставьте меня в покое раз и навсегда. Такие мужики отказов не любят, но прямогу понимают лучше всего.

— Хорошо, — кивнула я сама себе в темноту кухни. — Значит, если он еще раз нарисует — так и скажу. Слово в слово.

— Держи меня в курсе, — отозвалась Нина. — И запири нижний замок.

Я сбросила вызов, положила телефон экраном вниз на деревянный стол и сделала глубокий глоток обжигающего мятного чая. План был предельно ясен. Теперь оставалось дожидаться четверга.

В четверг день тянулся свинцово и медленно.

С утра зарядил плотный серый ливень. Я работала на автомате — засыпать зерно, сбить молоко, пробить чек, убрать со стола. Внутри все звенело натянутой струной, но лицо оставалось непроницаемым.

К семи вечера город вымер. Дождь стих, оставив за окном черную сырость и мокрый блеск брусчатки.

Последняя пара ушла в девятнадцать двадцать. Я перевернула табличку на «Закрыто», подошла к стойке, достала чистое полотенце и принялась протирать рабочую поверхность кофемашины.

Колокольчик над входом звякнул ровно в девятнадцать тридцать.

Он вошел бесшумно. Снял пальто, повесил его у двери и подошел прямо к стойке. Темный строгий костюм, белая сорочка без галстука, верхняя пуговица расстегнута. Спокойный, внимательный взгляд.

— Добрый вечер, Элен.

Положила полотенце, выпрямилась и посмотрела ему прямо в глаза:

— Кофе не будет, месье Деверно.

Он чуть приподнял бровь, не отступая ни на шаг:

— Вот как?

— Я скажу один раз и повторять не стану, — мой голос прозвучал ровно и сухо. — Мне не нужны ваши визиты. Мне не интересны прогулки до моего дома, разговоры о моей внешности и ваше внимание. У меня нет ни малейшего желания пускать в свою жизнь вас или кого-либо еще. Оставьте меня в покое раз и навсегда.

В зале повисла плотная тишина. Было слышно только, как за стеклом с водостока срываются тяжелые капли.

Деверно слушал не перебивая. Он положил ладони на край стойки и негромко произнес:

— Я услышал каждое ваше слово, Элен. Но почему вы так категоричны?

Я молчала, глядя на него в упор.

— Я могу быть вашим другом, — продолжил он спокойно. — Я не собираюсь мешать вашей жизни, перекраивать ее или навязывать свои правила.

— Мне не нужны друзья, месье Деверно. Особенно такие, как вы.

Он посмотрел на меня долгим, изучающим взглядом, затем едва заметно качнул головой:

— Понятно.

Он развернулся, снял с крючка пальто, накинул его на руку и подошел к выходу. Уже взявшись за ручку двери, он обернулся:

— Доброй ночи, Элен.

Дверь тихо закрылась. Колокольчик сухо звякнул.

Я осталась одна посреди пустого, темнеющего зала.

В субботу днем колокольчик над дверью чуть не сорвался с петель.

Нина влетела в кафе, сбрасывая с плеч мокрый плащ, громко цокая шпильками по плитке. Лицо у нее пылало, глаза горели. Она быстро оглядела полупустой зал, подошла к стойке и оперлась обеими руками о дерево:

— Ты даже не представляешь, что сейчас творится в верхнем округе, — выпалила она шепотом, наклоняясь ко мне.

Я продолжала спокойно протирать металлический кувшин для молока: — Здравствуй, Нина. Тебе как обычно?

— К черту капучино, Элен! Послушай меня! — она понизила голос. — Я только что с ланча у советника префектуры. Весь финансовый комитет на ушах. Деверно устроил настоящую зачистку.

— Это его дела, Нина.

— Да послушай ты! — не унималась она. — Он не просто выставил ту проверку из твоего кафе. Он за двое суток инициировал аудит строительного консорциума, арестовал их счета и лично заблокировал весь проект реновации в нашем секторе.

Я поставила кувшин на полку: — Рада за наш сектор.

— Элен, ты не понимаешь, — Нина посмотрела на меня в упор. — За ним вообще никогда ничего подобного не тянулось. В администрации про него говорят как о куске гранита: ни фавориток, ни скандалов, ни одна женщина к нему подобраться не могла, сколько ни пытались. А тут из-за одного визита в твое кафе он разносит влиятельных застройщиков и даже глазом не моргает.

Я молча взяла со стойки стакан, наполнила его водой и поставила перед ней.

— Он чиновник, Нина. У него свои войны, свои счета с застройщиками и свои правила. Ко мне это не имеет никакого отношения.

— Ты серьезно? — Нина опешила, разглядывая мое абсолютно спокойное лицо. — Мужчина такого уровня двигает город, а ты стоишь с видом, будто тебе просто привезли свежее молоко?

— Серьезно. Меня не интересуют чужие войны. Если хочешь кофе — садись. Если нет — не мешай работать.

Нина покачала головой, взяла стакан и тихо села на высокий барный стул: — Ты непробиваемая, Элен.

— Я просто смотрю реально на вещи, — ответила я и повернулась к кофемолке.

Во вторник утром рынок на набережной шумел голосами торговцев и скрипом тележек. Я несла в обеих руках плотные крафтовые пакеты со свежей партией обжаренного зерна, спускаясь по каменным ступеням к переулку.

Он стоял внизу у парапета.

Без машины, в расстегнутом сером пальто, держа руки в карманах. Смотрел на реку, но стоило моим каблукам стукнуть по последней ступеньке, как он повернулся и сделал шаг навстречу, преграждая дорогу.

— Месье Деверно, — я остановилась в двух шагах, не опуская тяжелые пакеты. — По моему, в прошлый четверг мы закрыли этот вопрос.

— Вы закрыли, Элен, — его голос звучал ровно, глубоко, без малейшей тени обиды за прошлый разговор. — А я привык доверять фактам. Вы живете одна, держите оборону от всего города и тратите жизнь на то, чтобы никого к себе не подпустить. Поужинайте со мной сегодня. Без обязательств, без разговоров о префектуре. Просто один вечер.

Я посмотрела на него. На его выглаженное пальто, на уверенный разворот плеч, на лицо человека, который искренне верит, что любую стену можно пробить терпением и авторитетом.

И в этот момент в голове щелкнуло.

Его нельзя прогнать вежливостью. Его нельзя испугать грубостью — грубость он принимает за вызов. Но есть одна вещь, которую такой человек не переварит органически.

Я медленно опустила один пакет на парапет, сложила руки на груди и посмотрела ему прямо в зрачки — с легкой, ледяной насмешкой.

— Вы действительно не понимаете, месье Деверно? — произнесла я негромко. — Мои представления об отношениях мужчины и женщины... скажем так, сильно отличаются от тех, к которым вы привыкли в своих кабинетах. И ни на какие другие я не согласна.

Он чуть прищурился, явно не ожидая такого захода: — Я готов выслушать ваши условия.

— Сомневаюсь, что готовы, — я сделала полушаг ближе, понизив голос, чтобы каждое слово било наотмашь. — Мне не нужны ваши ужины. Мне не нужна ваниль, букеты, красивые ухаживания и разговоры о чувствах. Мне нужен песик.

Лицо Деверно дрогнуло.

— Что? — переспросил он, словно не расслышал.

— Вы согласны быть моим песиком, Арман? — я произнесла его имя отчетливо, с убийственным спокойствием. — Без права голоса, без своего мнения, у моих ног. А если будете вести себя хорошо и слушаться хозяйку — я, так и быть, подарю вам красивый кожаный ошейник.

Воздух между нами словно выкачали насосом.

Надо было видеть его лицо. Маска невозмутимого хозяина города сползла мгновенно. Глаза потемнели от шока и дикого, ошеломленного неверия — словно его только что на глазах у всей набережной ударили наотмашь железной перчаткой. Челюсти Деверно сжались так, что на скулах вздулись желваки. Он смотрел на меня так, будто перед ним стояло нечто за гранью человеческой логики.

Несколько секунд стояла мертвая тишина.

Затем он медленно, не проронив ни единого звука, выпрямился во весь рост. Окинул меня тяжелым, остекленевшим взглядом, в котором смешались ярость и абсолютный ступор, резко развернулся на каблуках и зашагал прочь по набережной, даже не оглянувшись.

Его широкая спина быстро скрылась за поворотом улицы.

Я стояла у парапета, чувствуя, как холодный речной ветер бьет в лицо.

И впервые за последние две недели я глубоко, полной грудью выдохнула. Внутри разлилось звенящее, сладкое облегчение.

Всё. С этим покончено навсегда. Я взяла пакет с зерном и легким, уверенным шагом пошла в сторону кафе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.